

— Кое-кто ещё остался с Чжу Яньфэном. А я к подобным сборищам не привык, вот и ушёл.

На самом деле ему просто не хотелось рассказывать, как их деревенские приятели растерялись в этой атмосфере хмельной роскоши. Бедолаги краснели при виде девиц в платьях с открытыми спинами, но всё равно не могли отвести глаз — зрелище было поистине жалкое.

— Здесь огромный корабль, несколько палуб. Позже осмотримся.

— Я... я бы хотел на море посмотреть.

— Тогда поднимемся на палубу. Там всё отлично обустроено для того, чтобы греться на солнышке.

— А чего на нём греться-то?

— Иностранцы, и мужчины, и женщины, это обожают. Да и богачи из Гонконга во всём им подражают. Если наверху не понравится, спустимся обратно. Лайнер идёт в обход, так что мы проведём в море всю ночь, а к причалу Гонконга подойдём только утром.

Океан пугал своей бескрайней, глубокой синевой. Чем дальше судно уходило от берега, тем гуще, тем пронзительнее становился цвет воды. Огромный лайнер, затерянный в этих безбрежных просторах, казался всего лишь щепкой, мерно покачивающейся на тяжёлых волнах. На глубине волнение почти не ощущалось — вода дышала ровно и тяжело. Это у самого берега, где сквозь прозрачную толщу виден каждый камешек, волны разбивались в бурную, неистовую пену.

Середина весны выдалась умеренно тёплой, вот только на открытой палубе гулял шальной ветер. Он нещадно трепал волосы, швыряя их то на лоб, то закидывая назад. Поначалу это даже приносило удовольствие: бескрайний горизонт дарил пьянящее чувство свободы, а синяя гладь казалась ровной, несмотря на лёгкую зыбь. Лайнер уверенно резал волны, оставляя за собой шлейф кипящей белоснежной пены. Вокруг царил безмятежность.

Однако долго оставаться здесь было невозможно.

Возможно, дело было в прохладной погоде, но палуба оказалась совсем не такой оживлённой и диковинной, как они себе представляли. На её пустынном пространстве не наблюдалось ни полуголых иностранцев, жаждущих солнечных ванн, ни местных модников.

Из-за пронизывающего сырого ветра, дувшего без умолку, у ребят вскоре зарябило в глазах, а виски сдавило тупой болью. Несолоно хлебавши, вся троица поспешила укрыться в каюте.

Наконец Чэн Шу отыскал Чжу Яньфэна, который уже совершенно позабыл обо всём на свете в угаре веселья. Склонившись к его уху, он процедил:

— Чёрт тебя дери, Яньфэн, хорош уже! Не сходи с ума и не забывай, куда мы едем. Если тебя здесь обуют или подставят, даже не думай просить о помощи.

Хмельной и раскрасневшийся Чжу Яньфэн лишь отмахнулся:

— Да брось ты, всё под контролем. Мы же развлекаться приехали, чего ты такой кислый?

Чэн Шу хотел было возразить, но вовремя заметил приближающихся гостей и прикусил язык. Буквально через минуту его самого втянули в разговор, и ему пришлось выпить пару бокалов, прежде чем удалось вырваться из цепких рук собутыльников.

Гоудань и Ван Сюань наблюдали за этой сценой из угла. Видя, как Чэн Шу безуспешно пытается отказаться от выпивки, они не спешили вмешиваться. Но стоило тому хоть немного освободиться, как парни тут же подскочили к нему, подхватили под руки с двух сторон и поволокли к выходу.

— Надо же так нализаться! Совсем парень не умеет пить. Ведём его в каюту, пусть проспится, — громко, для видимости, приговаривали они, утаскивая товарища.

Чэн Шу безвольно волочил ноги; будь под ними не палуба, а раскисшая земля, за ними наверняка потянулись бы две глубокие борозды.

Благодаря слаженности действий парни утащили его так быстро, что окружающие успели увидеть лишь их удаляющиеся спины. Препятствовать им никто не стал — среди приличного общества удерживать мертвецки пьяного человека и заставлять его пить дальше считалось дурным тоном.

Распахнув дверь каюты Чэн Шу, они бесцеремонно швырнули его на постель. Парень шлёпнулся ничком, матрас пару раз спружинил под его весом, после чего Чэн Шу замер неподвижно.

Гоудань запер дверь, подошёл к кровати и легонько пнул товарища по свисающей до пола длинной ноге:

— Эй, поднимайся. Неужто и правда в стельку пьян?

— М-де-е... — глухо донеслось из подушки.

Чэн Шу поворочался и нехотя сел на постели.

— Этот Чжу — просто ходячее недоразумение. Тоже мне, «всё под контролем», «внедрил в тыл врага»! Да ему просто хотелось развлечься на полную катушку. Смутян проклятый.

— Это точно, — вздохнул Гоудань. — Обещали просто скататься в Гонконг, а в итоге затащили на какой-то левый лайнер. Причём плывём кружным путём! Это же плавучий притон для богатеев, разве нет? Чует моё сердце, наживём мы тут проблем. Знать бы заранее — ни за что бы не поехал.

Последнюю мысль он предпочёл оставить при себе. Если у этих столичных мажоров возникнут неприятности, за них вступятся их влиятельные семьи. А вот если вляпаются они с Ван Сюанем — поминай как звали, останется пенять только на злую судьбу.

— У самого голова кругом, — поморщился Чэн Шу. — Ну его на хрен, больше я с этим типом никуда не поеду. Подставил так подставил.

Чжу Яньфэн был среди них самым старшим, и к его мнению обычно прислушивались — всё-таки соображал он быстро, да и в житейской смекалке ему было не отказать. Кто же знал, что он так сорвётся с цепи?

— Ладно, мы к себе — поспим немного, — засобирался Гоудань. — Нам же обещали какое-то грандиозное вечернее шоу? Ты тоже ложись. За Чжу Яньфэном приглядывают, так что ничего с ним не случится. Надо набраться сил перед ночью.

Семьи этих парней наверняка приставили к ним тайных телохранителей. Те держались поодаль, но бдели круглосуточно. Наверное, именно поэтому Яньфэн вёл себя так нагло и беспечно.

И всё же, по мнению Гоуданя, даже если это была игра на публику, палку перегибать не стоило. Так недолго и настоящих врагов нажить.

Притворив за собой дверь каюты Чэн Шу, Гоудань и Ван Сюань вернулись к себе.

— От этого корабля веет чем-то нехорошим, — тихо заметил Ван Сюань, устраиваясь на кровати. — Какое-то гнилое, кровавое предчувствие. Надеюсь, обойдётся.

В конце концов, они оставались простыми деревенскими парнями. О многом в этом мире они даже не догадывались, а их суждения и способы защиты всё ещё были по-детски наивными.

Проснулись они только от стука в дверь. Оба удивились тому, как сладко спалось на мерно покачивающемся судне.

Они переоделись в самые строгие и солидные из своих нарядов. Гоудань намочил расчёску водой, зачесал волосы назад и критически осмотрел себя в зеркале.

— Голова же мокрая, — хмыкнул Ван Сюань, глядя на него. — Высохнет — и всё вернётся как было. К тому же простудиться можно.

— А ты сам-то пробовать будешь?

Ван Сюань немного подумал и согласился:

— Ладно, давай и я попробую.

Забрав у Гоуданя расчёску и макнув её в воду, он принялся аккуратно зачёсывать пряди назад.

У Гоуданя волосы всегда были короткими и торчали жёстким ёжиком, из-за чего он вечно выглядел сердитым и задиристым. Вода его упрямую шевелюру почти не взяла. А вот Ван Сюань уже давно не стригся, и его волосы отросли, став густыми, тёмными и блестящими. Влажные пряди легко ложились в нужном направлении. У него был на редкость красивый, высокий лоб с идеально ровной линией роста волос, расходившихся от центра послушными волнами. На лбу выделялся изящный мысок, который теперь, когда лицо полностью открылось, подчёркивал безупречную бледность кожи и тонкие очертания прямого носа.

Ван Сюань выглядел потрясающе.

Новая укладка шла ему гораздо больше привычного простого полубокса, придавая облику какое-то благородство и лоск. Гоудань буквально замер, не в силах отвести глаз. Он, конечно, всегда знал, что его друг красив, но за столько лет просто примелькался и перестал это замечать.

Сейчас же, одетый в аккуратный светло-серый костюм, с гладко зачёсанными назад волосами, Ван Сюань казался воплощением изящества. Если бы они не выросли вместе в одной деревне, Гоудань принял бы его за отпрыска какого-нибудь знатного столичного семейства.

Неужели это действительно его Сюань?

— Ну как? Ровно получилось? — спросил Ван Сюань, оглядывая себя. — Надо бы у ребят Чэн Шу спросить бриолин или лак для волос, чтобы закрепить. А то высохнет — и всё распадётся.

— Растрепи обратно! — буркнул Гоудань.

— А? Что растрепать?

— Волосы. Не причёсывайся так больше. Тебе не идёт.

«Не идёт» в его понимании означало совсем другое.

Ван Сюань намёка не понял и продолжил вертеться перед зеркалом:

— С чего вдруг? Все приличные люди сейчас так укладывают.

— Послушай меня... Ты так слишком... слишком привлекаешь внимание. А если к тебе девицы начнут приставать? Я слышал, в здешних заведениях женщины ух какие хваткие. Ну, знаешь, эти штучки из капиталистического общества.

Ван Сюань на мгновение замер и с сомнением покосился на него:

— Да ну, кому мы тут сдались... Ладно-ладно, сейчас уберу.

Заметив, как Гоудань насупился, он решил не спорить. Взяв полотенце, Ван Сюань хорошенько взъерошил влажные волосы, позволяя им привычно рассыпаться по лбу свободными мягкими прядями.

Перед ним снова стоял прежний, привычный Ван Сюань. Гоудань мысленно выдохнул и принялся поправлять собственный воротник:

— Наши костюмы какие-то странные. Тебе не кажется, что мы в них похожи на официантов?

— А что поделать? В универмаге только такие и продавались. Ладно, пошли, надо держаться поближе к Чэн Шу и остальным, а то затеряемся.

Закончив сборы, они спрятали все ценные вещи в своё «сокровище» и с лёгким волнением отправились на поиски товарищей. Предвкушение вечерней программы будоражило кровь.

Всего их приехало десять человек: Гоудань с Ван Сюанем и ещё восемь парней. Удивительно, но взрослых сопровождающих с ними не было. Молодёжь постаралась принарядиться вовсю. Из-под их напускной солидности сквозила юношеская незрелость, но недооценивать этих ребят не следовало — случайные люди на такой лайнер просто не попадали.

Юношеский задор и тяга к приключениям вовсе не означали отсутствие ума. Напротив, выходцы из таких семей, как у Чэн Шу, отличались редкой проницательностью и хитростью. Они с пелёнок варились в котле политической борьбы и интриг, волей-неволей перенимая повадки и цинизм своих высокопоставленных родственников.

Гоудань и Ван Сюань не слишком близко общались с остальной компанией. Семья Чэн взяла их в эту поездку лишь ради того, чтобы у Чэн Шу — единственного сына своего отца — были надёжные спутники. Поэтому в любой толпе они неизменно держались плечом к плечу с ним.

Будучи сверстниками, они разделяли общие слабости: детское любопытство и желание порисоваться друг перед другом. В воздухе витало радостное возбуждение; каждый вытаскивал из чемоданов лучшие наряды. Напутствия родителей вроде «смотрите не наберитесь там дурного» были благополучно забыты. Все знали, что подобные лайнеры полны запретных

удовольствий, и сгорали от нетерпения.

Днём Гоудань, Ван Сюань и Чэн Шу лишь мельком видели вход на эту палубу, куда их не пустили. Теперь же перед ними гостеприимно распахнулись массивные двери.

У парней перехватило дыхание. Описать увиденное словами было трудно.

Наверное, именно так выглядит пресловутая роскошь.

Им казалось, что банкетный зал и ресторан, которые они посетили днём, поражали воображение своим убранством, но здешнее великолепие превосходило любые ожидания. Стены были украшены огромными картинами в позолоченных рамах, хотя никто из ребят не взялся бы судить, подлинники это или копии.

На одних полотнах толпились бородатые мужи в старинных одеяниях, на других красовались пышнотелые белокожие иностранки с округлыми бёдрами и выдающейся грудью. Некоторые из них были абсолютно нагими, бесстыдно взирая на гостей со стен. Другие прикрывались тончайшей вуалью, сквозь которую просвечивало всё до мельчайших подробностей. Были и картины, изображающие переплетённые в объятиях мужские и женские тела.

Для скромных деревенских парней, воспитанных в строгой морали, это стало настоящим культурным шоком. Осознав, что именно здесь изображено, они поспешно отвели глаза и больше не смели смотреть по сторонам.

У всех разом вспыхнули уши, а к лицам прилила горячая кровь. В юных головах зашевелились тревожные мысли: уж не завели ли их в какой-то вертеп разврата? Если дома узнают, где они шляются, отцы им точно ноги переломают!

«Может, пока не поздно, развернёмся и уйдём?» — читалось в их испуганных взглядах.

<http://bllate.org/book/19654/1996813>